

Несмотря на наличие огромного количества работ, посвященных изучению личности несовершеннолетних преступников и их типов, в современной отечественной криминологии они не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта целенаправленных криминологических исследований.

К числу базовых критериев отнесения несовершеннолетнего к НИПам принадлежат совершение им большого количества преступлений (5 и более в течение 1 года) и негативный прогноз продолжения таким несовершеннолетним дальнейшей криминальной карьеры. К тому же изучение несовершеннолетних интенсивных преступников (по Т. Моффитт) подтверждает, что они, как правило, отягощены различными биопсихологическими (нейропсихологическими) проблемами с раннего детства. Понимание этого подчеркивает важность всестороннего изучения имеющих криминологическое значение биопсихосоциальных особенностей личности несовершеннолетних интенсивных преступников.

Таким образом, несовершеннолетние интенсивные преступники являются самостоятельным криминологическим типом несовершеннолетних преступников и подлежат самостоятельному криминологическому исследованию. Оказывая целенаправленное воздействие на эту относительно малочисленную группу несовершеннолетних преступников, можно существенно снижать уровень преступности несовершеннолетних в целом.

УДК 343.541 + 343.97

В.В. Стальбовский

ФЕНОМЕН МАСКИ НОРМАЛЬНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ПЕДОФИЛА

В рамках эволюции социальных процессов выстраиваются модели универсального поведения: естественного (нормального) и преступного. Вот почему так важно еще на самых ранних этапах заметить «красные нити» зарождающихся социальных процессов, часто девиантных, теряющихся в запутанной картине жизни, обусловленной эпохой постмодернизма, на заре метамодернизма, где девиантное поведение ассоциируется с нормальностью, где лонцид стремится к укоренению. Такие «красные нити» – набирающие обороты попытки нормализации педофилии, в том числе через различные роли (модели нормальности), не позволяющие идентифицировать преступника, не говоря о признании ее с помощью вышеупомянутой теории сексуальной ориентации, на которое в принципе и «заточены» педофилические лобби всего мира, создающие свои манифесты.

Для того чтобы сформировать нейронную дорожку в научных изысканиях о предупреждении и профилактике данного вида преступлений, коснемся вопроса современного феномена маски нормальности педофила, – по нашему мнению, одной из психологических составляющих характеристики личности преступника-педофила, практически неизученной и «темной» стороны криминологических и криминалистических знаний.

Первые черты сущности и содержания основ феномена маски нормальности зародились в 1976 г. у Херви Клекли в его одноименных исследованиях научного толка, посвященных психопатии. Маска нормальности, по словам психиатра, представляет собой одно из самых пугающих свойств психопата: умение казаться абсолютно нормальным человеком. Данная дефиниция интерпретируется в различных направлениях, но ясно одно: маска нормальности – это поведенческая характеристика преступника, позволяющая ему казаться нормальным и психически здоровым человеком, закрепляя за собой положительные характеристики в глазах знакомых людей, т. е. быть максимально социально приемлемым и одобряемым. Такие люди подвержены полному контролю своих действий и поступков, все, что они когда-либо делали, – это осознанные действия и никак иначе. Не является исключением из этого феномена, на наш взгляд, и преступник-педофил, о чем свидетельствуют не только материалы уголовных дел, справок о расследовании, оперативных сводок, где четко вырисовывается криминологический портрет, но и косвенные признаки: уровень латентности, многоэпизодность (врач-анестезиолог с 2013 по 2016 г. совершил более 70 преступлений, отвозя на лечение детей из РНПЦ онкологии за границу, где совершал с ними иные действия сексуального характера), длительность (с 2005 по 2018 г. гражданин Д., изготавливая детскую порнографию, осуществлял свою преступную деятельность в отношении 50 жертв, каждая из которых не менее 10 раз учувствовала в съемках порнографического характера), серийность, а также сложность в расследовании преступлений такого рода. Все эти признаки дают нам много подсказок, которые могут являться «верными ключами» в их индивидуальной профилактике.

Безусловно, изучению маски нормальности предшествовала теория К. Юнга об архетипах, согласно которой личность состоит из трех взаимодействующих структур: сознания, личного бессознательного и коллективного бессознательного. Личное бессознательное связано с опытом жизни конкретного человека. Коллективное бессознательное состоит из архетипов. Само слово «архетип» переводится с древнегреческого как «древний образ».

Архетипы остались неизменными с древнейших времен, в основном меняя свои формы, но не сущность. Архетип устойчив во времени. Архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же опытов. Не является исключением из «базы» архетипов и криминальный опыт, скрилл, алгоритм поведения, который мы и постарались в ходе исследования вывести из пакета эмпирических материалов и экспертного опыта практиков.

Каннибализм, педофилия, шутинг, геноцид, терроризм, коррупция и другие криминальные явления постмодернистского мира на самом рассвете функционирования поколения Альфа подтверждают, что общечеловеческий коллективный деструктивный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы «клонированы» в течение всего процесса социализации личности, усвоения ею части мирового личностно-индивидуального опыта. Архетипы как образы являются обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов существования ряда поколений, усредняя миллионы индивидуальных опытов, образующих типы укоренившихся манер поведения, которые и будут в исследовании называться маской нормальности.

Понимание логики феномена маски нормальности невозможно без раскрытия понятия «психопатия» – синдрома, который проявляется в виде отсутствия у субъекта эмоциональной составляющей: чувства вины, жалости, сострадания, раскаяния и т. д., а также в виде наличия лживости и укоренившегося нарциссизма. О криминологической важности данного синдрома и его проявлений не стоит забывать в рамках изучения личности преступника, как и об отдельном блоке психофизиологических особенностей, которые и включают, по нашему мнению, имманентные свойства феномена маски нормальности.

Изучая многополярные аспекты криминологической теории, которые усложняются и расширяются посредством других наук, приходится часто задаваться вопросом о механизме возникновения преступного поведения индивида в равных условиях с другими, законопослушными индивидами. На этот важный научный вопрос мы и постараемся ответить в ходе данного научного исследования.

По нашему мнению, проблема формирования социально одобряемого поведения и его отличия от преступного весьма важна в теории предупреждения преступности и изучения личности преступника.

Топографическая модель психики человека включает в себя три уровня, о чем мы упоминали выше:

бессознательное (совокупность инстинктов и вытесненных воспоминаний);

предсознательное (совокупность переживаний лица в незадействованном формате, всплывающих при определенных волевых усилиях, другими словами, невостребованный в данный момент опыт);

сознательное (это реальная память, осознание в данный момент).

Важно отметить очень значимый момент. Чтобы уровень накопленных инстинктов не превышал критической массы на уровне бессознательного, они выводятся небольшими порциями. Это и есть механизм защиты психики. Именно механизм защиты обуславливает преступное и социально одобряемое поведение.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в своей естественной, непреступной жизни педофилы являются ярко выраженными социально приемлемыми личностями. И если бы подобное социально приемлемое поведение педофила являлось результатом притворства, то окружающие люди (эксперты, сотрудники правоохранительного блока) интуитивно почувствовали бы это или не могли бы безусловно охарактеризовать педофила исключительно положительно. А мы наблюдаем, что лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, в большинстве своем являлись примерными семьянинами, педагогами, врачами, тренерами, воспитателями – представителями всех тех категорий, которые максимально приближены к несовершеннолетним в повседневном контакте в силу трудовых, служебных и социально-обусловленных правоотношений. И поэтому феномен маски нормальности является неотъемлемой составляющей изучения личности преступника в рамках криминологии. Также данный феномен выступает необходимым звеном в формировании единой стратегии предупреждения и профилактики, тем самым снижая уровень энтропии в теории предупреждения рассматриваемого вида преступности.

УДК 343.541

И.С. Сырковаш

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Важнейшей проблемой современной криминологии наравне с рассмотрением классических вопросов этой науки (преступность и законы ее развития, причинный комплекс, включая факторы и явления, личность преступника, предупреждение, виктимологическая профилактика и др.), является вопрос анализа ее частной теории – «цифровой криминологии».

Специфической особенностью жизни в современном социуме стало «обитание» индивида в цифровой среде (цифровом поле), что привело к имманентным изменениям, в том числе в преступной деятельности. С использованием компьютерных средств и систем сегодня совершаются преступления практически любых видов: против жизни и здоровья, государственной власти, собственности, половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (около 80 % знакомств происходит в сети Интернет), общественной безопасности и др. Уголовное законодательство и составы преступлений «эмигрируют» в цифровую плоскость.

В связи с этим появилась киберпреступность. Она представляет собой преступную деятельность, целью которой является использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства в целях нарушения закона.

По данным МВД Республики Беларусь за 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года отмечена положительная тенденция к сокращению количества зарегистрированных киберпреступлений с 13 427 до 11 707 (–12,8 %). Число таких уголовно наказуемых деяний уменьшилось во всех регионах страны, за исключением г. Минска (+5,2 %; с 3 842 до 4 042). Значительное сокращение их количества характерно для Могилевской (–30,5 %), Гродненской (–27,0 %) и Брестской (–20,7 %) областей. Число особо тяжких и тяжких киберпреступлений в республике также существенно снизилось с 426 до 307 (–27,9 %), за исключением Гомельской области (+47,2 %; с 36 до 53).

В свою очередь, социальные сети и мессенджеры нередко становятся благоприятной средой для совершения самых разных преступлений: экстремистской и террористической направленности, незаконного оборота наркотиков, распространения детской порнографии и др. Появляются новые профессии преступного ремесла, к примеру, такие как в наркомаркетах – «химики», «коллекторы», «финансисты», операторы и пр. Это в первую очередь связано с широкими функциональными возможностями социальных сетей и мессенджеров, спецификой компьютерно-опосредованной коммуникации, позволяющей личности сохранять свою анонимность и с легкостью публиковать разного рода информацию, которая становится впоследствии доступной широкому кругу лиц. Такие условия раскрывают перед злоумышленниками массу возможностей для реализации своих преступных замыслов посредством использования социальных сетей и мессенджеров, что обуславливает необ-